

Гедор Раззаков

ДеВять женищин

Андрея Миронова

Жениться
нужно
на сироте.

Если женщина что-то просит,
то ей надо непременно дать!
Иначе она возьмет сама!

Каждая ваша
слезинка —
это молекула
в космосе.

Девушка, мы с вами
рядом не лежали?

Руссо туристо
облико морале.

Биографии великих
Неожиданный ракурс

Биографии великих. Неожиданный ракурс

Федор Раззаков

Девять женщин Андрея Миронова

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Раззаков Ф. И.

Девять женщин Андрея Миронова / Ф. И. Раззаков — «Эксмо»,
2016 — (Биографии великих. Неожиданный ракурс)

Помните, как в фильме «Соломенная шляпка» чертовски привлекательный герой Андрея Миронова поет и погибает пальцы: «Иветта, Лизетта, Мюзетта, Жанетта, Жоржетта...»? Что интересно, Андрей Миронов, в самом деле, не представлял свою жизнь без женщин. Еще бы! Они, как музы, вдохновляли Андрея на творчество, давали ему силы, зажигали в его сердце пламя любви и страсти. Именно женщины вкупе с природным талантом сделали Андрея Миронова неотразимым в жизни, в кино и на сцене. Стоит ли удивляться, что этого удивительного человека беззлобно называли дамским угодником. Кому же из представительниц прекрасного пола угодил Андрей Миронов?

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Раззаков Ф. И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть первая	6
Мама: Мария Миронова	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Федор Раззаков

Девять женщин Андрея Миронова

© Раззаков Ф., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

В жизни Андрея Миронова женщины играли главную роль. Поэтому не случайно этого великого актера называли дамским угодником. Он и в самом деле стремился угодить женщинам, поскольку видел в них своих главных вдохновительниц как в творчестве, так и в жизни. При этом через судьбу актера прошло множество женщин. Но среди них многие были случайными, а главных женщин было не так уж и много. Именно им и посвящена эта книга. Среди них: женщина, которая родила на свет нашего героя – его суровая мама. А также девушка, которая подарила ему первую любовь, когда они были еще школьниками. В этом же списке женщины, которые могли быть его женами, но так и не стали ими в силу различных обстоятельств, женщины, сумевшие-таки стать его женами, две его дочери, а также женщины, которые снимали его в своих фильмах, и женщины-актрисы, с которыми он играл в кино любовь. Все они оставили свой след в судьбе Андрея Миронова и без них его жизнь и творчество не обрели бы той феерической привлекательности, которая до сих пор заставляет людей помнить об этом прекрасном актере. Прочитайте эту книгу и вы узнаете массу интересного из жизни «дамского угодника», у ног которого в свое время лежала вся страна – причем не только слабая ее половина.

Часть первая

Женщины в жизни Андрея

Мама: Мария Миронова

Эту женщину люди знали не только как великолепную артистку, но и как мать гениального артиста, кумира целой нации. А ведь сама она, когда ее сын только делал первые шаги на актерском поприще, не слишком верила в его выдающиеся способности, опасалась, что он не сумеет стать достойным продолжателем их актерской династии. Потом она признала эту ошибку.

Мария Миронова родилась 6 января 1911 года в Москве в зажиточной семье – ее отец был товароведом. Жили Мироновы в центре Москвы, на Таганке, и являли собой пример образцовой семьи. Когда родилась Маша, в доме был устроен званый обед, где стол буквально ломился от угощений. Однако, выпивая за здоровье девочки, никто даже представить себе не мог, что вскоре случится трагедия. Но не с девочкой, а с ее старшим братом, 10-летним Колей. Это был на удивление красивый и талантливый мальчик: владел тремя языками, рисовал, занимался музыкой. Все, кто его знал, были уверены, что впереди его ждет блестящее будущее. Однако этим планам не суждено было воплотиться в жизнь. Спустя два месяца после рождения сестренки Коля заболел дифтеритом и сгорел за считанные дни.

Эта трагедия сильно отразилась на родителях Маши, особенно на ее матери – она стала болезненно мнительной. Опасаясь, что ее дочка может умереть так же внезапно, как и ее первенец, она опекала ее ежедневно и еженощно, и порой эта опека принимала нездоровые формы: например, она постоянно заставляла дочку полоскать горло керосином.

Интерес к театру возник у Маши еще в детстве. Ее родители были заядлыми театрами и не пропускали ни одной премьеры в столичных театрах. В их доме постоянно бывали актеры, режиссеры и другие деятели театра, которые бесконечными спорами о работе привили Маше интерес к этому виду искусства. А после того как она попала на спектакль «Синяя птица», ее любовь к театру стала неистребимой. Именно эта любовь впоследствии приведет Мионову в Центральный техникум театрального искусства имени Луначарского на Сретенке, где она будет проходить свои первые театральные университеты.

В школу Маша пошла перед самой революцией – в сентябре 1917 года. Это была одна из старейших школ города, расположенная в Мерзляковском переулке бывшая гимназия Флерова. В одном классе с Мироновой учились дети, которые впоследствии станут известными людьми: Алексей Спешнев – будущий сценарист, Леонид Пирогов – артист драмтеатра, Григорий Конский – артист МХАТа, Лина Кабо – писательница. В классах постарше учились Игорь Ильинский, Леонид Варпаховский, который свою первую режиссерскую работу сделал именно в бывшей гимназии Флерова, поставив «Розу и крест» Александра Блока.

Когда много лет спустя перед Мироновой встанет выбор, где поселиться со своей семьей, она выберет окрестности возле Мерзляковского переулочка. И своего единственного сына Андрея приведет учиться именно туда – в бывшую гимназию Флерова.

Помимо театра у Мироновой было еще одно сильное увлечение – балет. Оно было настолько сильным, что девочка какое-то время посещала вечернюю балетную школу при Большом театре. Школа помещалась в театре Незлобина, там, где потом будет Центральный детский театр. Маша занималась у знаменитого балетного педагога Веры Мосоловой, которая весьма восторженно отзывалась об успехах своей ученицы. Маше прочили хорошую карьеру в балете, но судьба распорядилась по-своему. При всей страсти Маши к танцу она не могла

долго выдерживать большие нагрузки – у нее начались малокровие и головокружения. И врач посоветовал ей оставить балетную школу. Что было сделано незамедлительно: мама Маша так дрожала над здоровьем своего ребенка, что даже страстные уговоры Мосоловой не помогли.

Окончив в 1924 году седьмой класс школы, Миронова поступила в Центральный техникум театрального искусства имени Луначарского на вечернее отделение. И довольно быстро стала там одной из самых способных учениц. Там же она подружилась с двумя своими ровесниками, которые впоследствии станут не менее знаменитыми, чем она: Верой Марецкой и Ростиславом Пляттом. С последним Миронова любила похулиганить – вывинчивала лампочки во всех подъездах на Сретенке, где располагался техникум. Причем заводилой была именно Маша: она взбиралась на плечи высокому Плятту, вывинчивала лампочку и прятала ее к себе в карман. Эти лампочки они потом меняли на любимое лакомство – пирожки с мясом, повидлом и капустой.

После окончания техникума Миронова встала перед выбором, в какой театр поступать. Вместе со своим одноклассником Борисом Щукиным она написала на бумажках названия лучших театров и решила тянуть жребий. Вытянула Вахтанговский, но Щукин ее отговорил: сказал, что там все актеры молодые и новенькую будут постоянно затирать. Тогда Миронова отправилась во 2-й МХАТ. Там был большой конкурс, но Миронову не взяли не из-за отсутствия таланта, а по возрасту – ей еще не было семнадцати. Она так переживала по этому поводу, что отец решил ей помочь. Он воспользовался своими связями в театральной среде и способствовал тому, чтобы Машу приняли во 2-й МХАТ.

Несмотря на юный возраст, Миронова достаточно быстро сумела освоиться в труппе и стала играть одну роль за другой. И хотя роли эти были небольшие, но даже в них она обнаруживала несомненный актерский талант. Например, на спектакле «Хижина дяди Тома», где она играла роль Фанни, побывал сам Владимир Немирович-Данченко и был в восторге от игры Мироновой. И когда спектакль закончился и они случайно встретились в гардеробной, признанный мэтр театра взял у гардеробщика пальто Мироновой и лично накинул его ей на плечи в знак уважения.

Однако этот успех юной актрисы нравился далеко не всем в труппе. Например, прима театра Серафима Бирман с самого начала невзлюбила Миронову. А потом случился скандал, который окончательно развел их по разные стороны баррикад. Бирман почему-то решила, что Миронова красит щеки, хотя применение косметики в театре было категорически запрещено. И однажды в буфете, при многочисленных свидетелях, Бирман подошла к Мироновой и провела носовым платком по ее щеке. Миронова возмутилась: «Вы что, с ума сошли?» С этого момента Бирман невзлюбила ее окончательно и бесповоротно.

Именно во время работы во 2-м МХАТе, осенью 1927 года, Миронова начала выступать на эстраде – читала произведения Чехова. Потом расширила свой диапазон и включила в свою программу юмористический номер – телефонный разговор с некой Капой. Эта интермедия имела феноменальный успех и стала тем счастливым билетом, который открыл Мироновой путь на большую эстраду. Кроме этого, после него на Миронову обратили внимание кинематографисты, пригласив ее сниматься в фильме «Городские неудачи».

Неожиданный успех, обрушившийся на голову юной актрисы, стал главным побудительным мотивом к тому, чтобы она покинула стены 2-го МХАТа. Причем уходила Миронова не в никуда – ее взял в свою труппу Московский мюзик-холл и положил 17-летней актрисе зарплату в пять раз большую, чем она получала во МХАТе. Даже ее недоброжелательница Серафима Бирман не получала таких денег. Кроме этого Мироновой дали главную роль в пьесе «Артисты варьете». Это была поистине роль-сказка: за границей ее играла знаменитая Элизабет Бергнер, а партнером ее был Михаил Чехов. В советском варианте этой пьесы партнером Мироновой стал Сергей Мартинсон, уже известный зрителям по спектаклям Театра Мейерхольда.

Но если в творческой судьбе Мироновой все обстояло благополучно, то в обычной жизни все было сложнее. После того как новая власть раскулачила отца Мироновой и отобрала у него собственный дом, жить Мироновы были определены в коммуналку – в тесную комнату в густонаселенном доме в центре Москвы. Но даже там их не оставляли в покое. По доносу кого-то из соседей к Мироновым однажды нагрянули ревизиторы, чтобы произвести обыск и конфисковать все имеющиеся драгоценности. Дома в тот момент находилась одна Миронова, которая легко обманула непрошенных гостей, применив свой актерский талант. Она затолкала драгоценности в грелку и, улегшись на диван, положила ее себе на живот. Беспокоить «больную» девушку визитеры не решились и ушли ни с чем.

В первый раз Миронова вышла замуж в 1932 году, в 21 год. Ее мужем стал молодой известный оператор-документалист Михаил Слущкий. Однако идеальным этот брак назвать было нельзя. Миронова была девушкой избалованной, своенравной и быстро сумела загнать под каблук мягкого и добродушного мужа. Во многом из-за этого не сложились и ее отношения со свекровью. В итоге очень скоро Слущкий стал болеть, врачи обнаружили у него серьезное легочное заболевание. А тут еще на Миронову свалилась новая напасть – арестовали ее отца. И хотя через год его все-таки выпустили, это событие стало роковым: вскоре после освобождения отец слег с тяжелой болезнью. Следом за ним в эту же больницу попала и мама Мироновой. Мария навещала своих родителей, скрывая от них правду о состоянии друг друга. Но эта ложь не спасла родителей: они скончались в марте 1937 года. После этого Миронова тоже слегла и провалялась несколько месяцев. Депрессия могла длиться и больше, если бы не работа: Миронову пригласил в свою картину «Волга-Волга» Григорий Александров. Роль у нее была хоть и небольшая, но колоритная – секретарша Бывалова.

В 1938 году Миронова поступила работать в Театр транспорта, но пробыла там недолго – пару месяцев. Потом заболела и почти год нигде не работала. А когда в начале следующего года поправилась, ее пригласили работать в Театр эстрады. Именно там она и познакомилась со своим вторым, и последним, супругом – ленинградским эстрадным актером Александром Менакером. На тот момент тот был тоже несвободен: он был женат на артистке Ирине Ласкари и у них рос трехлетний сын Кирилл. Но, встретив Миронову, Менакер принял решение оставить семью.

Знакомство Мироновой и Менакера произошло за кулисами Театра эстрады во время очередного приезда Менакера с гастролями в Москву. В перерывах между выступлениями артисты играли в популярную игру «балда», где Миронова была фаворитом – почти никогда не проигрывала. Именно эта черта и поразила в ней Менакера. Он стал к ней присматриваться, надеясь при первой же возможности познакомиться поближе. Однако это ему долгое время не удавалось, поскольку после каждого концерта Миронову встречал у служебного выхода ее супруг. Но Менакер продолжал надеяться. И счастье ему улыбнулось.

Однажды стылым осенним днем Слущкий не смог вырваться к жене, и Менакер немедленно воспользовался ситуацией. Навязавшись в провожатые, он довел Миронову до парадного подъезда ее дома в Нижнекисельном переулке. Правда, первая прогулка выглядела не слишком романтично – всю дорогу они говорили исключительно о работе. Но впечатление друг о друге у обоих сложилось весьма лестное. Окрыленный этим успехом, Менакер спустя несколько дней назначил Мироновой новое свидание – у памятника А. Островскому, что возле Малого театра. Именно с этой встречи, собственно, и начался их роман. Отныне все свободное время Менакер и Миронова проводили вместе, гуляя по Москве (любимым местом их прогулок был Александровский сад). А когда гастрольная судьба вынудила их расстаться (Менакер уехал с гастролями в Харьков), оба только и делали, что считали дни и с нетерпением ждали момента, когда судьба снова сведет их вместе. Ждать пришлось недолго: уже зимой того же 1939 года Менакер вернулся в Москву, чтобы участвовать в сборных концертах в Зимнем театре сада «Аква-

риум». Романтические свидания возобновились. Влюбленные чаще всего встречались под сценой театра или в закулисных закоулках.

Несмотря на то что влюбленные тщательно конспирировались, скрыть от глаз коллег свои отношения им так и не удалось. Узнал об этом и муж Мироновой, однако скандала затевать не стал. Ему казалось, что это всего лишь мимолетное увлечение супруги, которое вскорости обязательно пройдет. Но он ошибся. Летом 1939 года, когда Менакер и Миронова гастролировали в Ростове-на-Дону, Миронова приняла окончательное решение расстаться со Слуцким. Внешне все выглядело спонтанно. Влюбленные сидели в тесной актерской компании в гостиничном номере, когда Миронова внезапно поднялась из-за стола и, отойдя в сторону, стала что-то писать. Подождав, когда все разойдутся, Менакер тактично поинтересовался у возлюбленной, что это она так сосредоточенно писала. «Письмо Мише Слуцкому, – последовал ответ. – В нем я сообщаю, что мы должны расстаться».

Письмо должен был вручить Слуцкому режиссер Давид Гутман. Но тот поступил непорочно. Пока ехал в Москву, не удержался от искушения и заглянул в конверт. И, когда приехал в Москву, рассказал о содержимом письма своему приятелю сценаристу Иосифу Пруту. А тот, в свою очередь, разнес эту новость всей столичной богеме. Вечером того же дня эта новость дошла до Слуцкого. Говорят, он был в шоке. Он искренне любил Миронову, многое ей прощал и совершенно не ожидал такого поворота событий. Но дело было сделано, и поворачивать назад Миронова была не намерена. Она была женщиной волевой, властной и никогда не меняла ранее принятых решений. Не случайно в актерской среде за ней закрепилось прозвище «ведьма с голубыми глазами».

Что касается жены Менакера Ирины Ласкари, то она о романе супруга не догадывалась и продолжала пребывать в неведении до августа 1939 года. Когда влюбленные вернулись с гастролей в Москву, первое, что сделал Менакер, – объяснился с женой. Она с трехлетним сыном вернулась после летнего отдыха с Волги и поджидала мужа в гостинице «Москва», чтобы через несколько дней отправиться вместе с ним в родной Ленинград. Но совместного возвращения не получилось. Как вспоминал сам Менакер, объяснение с женой вышло тихим, нескандальным. Ирина все поняла и отпустила мужа на все четыре стороны. И в тот же день уехала с сыном в Питер. Менакер приехал туда днем позже, чтобы сообщить радостную новость Мироновой (она была там на гастролях). Вскоре Менакер и Ирина оформили развод, и на следующий же день Менакер с Мироновой официально скрепили свой союз. На календаре было 26 сентября 1939 года.

Уже спустя несколько дней после бракосочетания молодая семья едва не распалась. Виноват был Менакер. Он в ту пору вел дневник, который и стал камнем преткновения. Это случилось 2 октября. В тот день Менакер приехал в Москву и заночевал у Мироновой. Это событие нашло свое отражение в его дневнике, в котором он записал свои краткие впечатления: мол, приехал в Москву, остановился у Мироновой. И неосмотрительно оставил дневник на ночном столике. Утром хозяйка проснулась раньше него, заглянула в дневник... и устроила дикий скандал. В таком гневе Менакер ее до этого никогда еще не видел. Она кричала, что он может убираться к чертовой матери, что она не публичная девка, у которой можно «остановиться». Буря бушевала больше часа. Но даже когда утихла, Миронова в течение нескольких дней продолжала дуться на супруга. И тому стоило больших усилий буквально вымолить у нее прощение. Как напишет позднее он сам: «Потом я не раз переживал эти внезапные мироновские вспышки. Но тогда меня можно было поздравить с премьерой. Ничего не поделаешь, таково свойство ее характера».

Менакер переехал в Москву и стал работать в Театре эстрады вместе с женой. Впервые их фамилии были объявлены в одном эстрадном номере 10 октября 1939 года: они исполняли стихотворение И. Уткина «Дело было на вокзале» и песенки-диалоги Л. Давидович «Случай в пути» и «Телеграмма». Вместе они отправились и на 1-й Всесоюзный конкурс артистов эст-

рады, который проходил в Москве в декабре того же года. Там они выступали дуэтом и по отдельности: Миронова исполняла интермедии, а Менакер делал пародии. Последние его и погубили. Он пародировал артистов, которые входили в состав жюри. Миронова умоляла мужа не исполнять эти пародии, но Менакер ее не послушал. В итоге она удостоилась звания лауреата, правда, получив третье место, а Менакер заработал утешительный похвальный отзыв.

Весной 1940 года в репертуаре Мироновой появилась новая интермедия – «Нужна няня». Миронова играла все роли – трех разных нянь, которые приходят устраиваться в разные дома на работу. И надо же было такому случиться, что в разгар репетиций над этой интермедией – в конце мая 1940 года – Миронова забеременела. Тогда никаких УЗИ еще не существовало, и пол ребенка определить было практически невозможно. Но у будущих родителей были уже свои планы на этот счет. Менакер, у которого один сын уже был, хотел девочку, а вот Миронова загадала мальчика. Кому из них повезло, мы уже знаем.

Чуть ли не до самых родов Миронова продолжала выступать на сцене. Ее друзей это пугало, а вот дирекция театра была в восторге – спектакли с участием Мироновой собирали неизменные аншлаги и ее уход в декретный отпуск грозил театру убытками. Поэтому беременной актрисе создавались все условия для работы: ее не загружали на репетициях, пораньше отпускали домой. И даже интермедию соответствующую придумали: она играла упитанную блондинку-маникюршу из парикмахерской гостиницы «Метрополь».

В канун Международного женского дня 8 Марта в Театре эстрады и миниатюр, как всегда, шло представление. Миронова тоже в нем была занята, хотя врачи предупреждали ее об опасности такой ситуации – она вот-вот должна была родить. Но актрису это не испугало. Как результат: прямо во время исполнения миниатюры «Жестокая фантазия» у Мироновой начались схватки. Коллеги немедленно вызвали «Скорую», которая увезла роженицу в роддом имени Грауэрмана на Арбате. Стоит отметить, что Менакер узнал об этом одним из последних. Он в этом спектакле играл роль дирижера и находился в оркестровой яме, исполняя куплеты. Когда во втором отделении среди артистов Менакер не увидел своей супруги, ему стало дурно. А тут еще Рина Зеленая, игравшая одну из героинь, пыталась знаками показать ему, что Миронову увезли в роддом. Но делала она это так экспрессивно, что Менакеру почудилось что-то ужасное. Поэтому конца представления он дождался с трудом. А едва спектакль закончился, как тут же бросился в роддом.

Миронова разродилась 8 марта 1941 года горластым мальчишкой, которого называли Андреем. По заявлению врачей, мальчик был совершенно здоров. Как покажет будущее, этот диагноз был верен лишь наполовину. У будущего великого актера была предрасположенность к аневризме. Судя по всему, она передалась Миронову по наследству от предков отца: от аневризмы умрет его отец, сестра отца, тетя.

С рождением сына перед молодыми родителями, которые часто вынуждены были уезжать на гастроли, встала проблема – поиск подходящей няни. Конечно, эту проблему можно было решить достаточно просто – если бы мать новорожденного на какое-то время бросила свою работу, целиком сосредоточившись на ребенке. Но Миронова наступать на горло собственной песне не хотела – в те годы она была на вершине успеха, дела в театре складывались для нее как никогда замечательно. Поэтому ребенку стали подыскивать подходящую сиделку. Нашли ее достаточно быстро. Это была Анна Сергеевна Старостина, которая до этого служила в семье старейшей артистки МХАТа Софьи Халютиной и зарекомендовала себя там с самой положительной стороны. И хотя Старостиной было уже за семьдесят, да и светским манерам она была не обучена (родилась в Нижегородской губернии и окала, говорила «утойди», «офторник» и т. д.), ее кандидатура устроила Менакера и Миронову. Хотя сомнения, конечно, были. Особенно когда Старостина потребовала себе в виде жалованья не только деньги, но еще... два килограмма «конфетов по выбору» и полтора литра водки. Последнее заявление повергло нанимателей в шок. Но потом все разъяснилось. Оказалось, что водка понадобилась

нянечке исключительно в лечебных целях: она настаивала ее на полыни и перед обедом выпивала маленькую рюмочку.

Уже первые дни пребывания нянечки в доме показали молодым родителям, что они не ошиблись – Анна Сергеевна управлялась с новорожденным великолепно. Она умело пеленала ребенка, гуляла с ним, ловко убаюкивала под свои колыбельные. Без участия матери тоже не обходилось: в антрактах руководство Театра миниатюр присылало в Нижнекисельный переулок машину, которая забирала маленького Андрюшу в театр, чтобы мама могла его покормить грудным молоком. Короче, детство будущего гения было вполне типичным для отпрысков людей искусства. Оно обещало быть совсем безоблачным, если бы не война, которая грянула спустя три с половиной месяца после рождения Андрея.

Война застала родителей Андрея в Москве. Накануне страшного дня 22 июня Менакер и Миронова ужинали в любимом летнем актерском садике «Жургаза» (Журнально-газетного объединения) на Страстном бульваре (слева от задника бывшего кинотеатра «Россия», ныне – «Пушкинский»). Погода в тот вечер была восхитительная, настроение у всех собравшихся было сродни погоде. Ни у кого и в мыслях не могло возникнуть, что спустя каких-нибудь несколько часов они проснутся совершенно в другом мире.

Воскресным утром 22 июня Менакер и Миронова еще спали, когда им домой позвонил их театральный врач Бурученков. К телефону подошел Менакер и услышал шокирующую новость: якобы немецкие самолеты вот уже несколько часов бомбят Минск. Поверить в это сообщение было невозможно. И Менакер в первые минуты и в самом деле не поверил. Чтобы развеять свои сомнения, он осторожно, чтобы не разбудить близких, оделся и вышел на Петровку. Улица была запружена народом. И у всех прохожих были растерянные, серьезные лица. Никто не улыбался. Менакер подошел к Столешникову переулку, когда из репродуктора раздался голос Юрия Левитана: «Внимание! Внимание! Говорит Москва...» Так москвичам объявили о начале войны.

Двадцать третьего июня Менакер должен был отбыть вместе с Театром эстрады и миниатюр на гастроли в Ереван (Миронова оставалась в Москве с сыном). Однако из-за начавшейся войны поездка была отменена. Было решено остаться в столице и в спешном порядке подготовить к выпуску антифашистский спектакль. Литературную композицию для пролога и музыку заказали Менакеру. Репетиции шли чуть ли не каждый день. А вечером в театре шли запланированные спектакли. Однако в начале июля Москву начали бомбить немецкие бомбардировщики и людям стало не до спектаклей. Сами Менакеры спасались от налетов в бомбоубежище, которое располагалось в подвале их дома на Петровке, 22. Так продолжалось до середины июля. Затем председатель Комитета по делам искусств М. Храпченко подписал приказ, в котором предписывалось: всем женщинам-актрисам с детьми в кратчайшие сроки эвакуироваться из города. Поскольку Театр эстрады и миниатюр в ближайшее время должен был отправиться с гастролями в Горький, именно туда и предстояло ехать маленькому Андрею, его родителям и няне. Причем ждать отправления всей труппы Миронова не стала: узнав, что в Горький отправляется директор-распорядитель театра Климентий Мирский, она, прихватив Андрея и Аннушку, отправилась вместе с ним. Менакер должен был выехать чуть позже вместе со всеми. Но судьба распорядилась по-своему. Вот как об этом вспоминал сам А. Менакер:

«Поезд уходит поздно вечером. А до этого – тревога за тревогой, и мы сидим в бомбоубежище. Боимся опоздать на поезд. Бомба падает в дом на Неглинной. От взрывной волны разбиваются уникальные в нашей коллекции чашки Ломоносовского завода – они стояли на подоконнике, приготовленные для упаковки.

Отбой. Едем на грузовике на Курский вокзал. Грузимся. Опять тревога. Отправление поезда задерживается. Трудно расстаться с женой и сыном. Мирский предлагает мне ехать с ними. Театр все равно скоро приедет в Горький. В самом деле, почему бы и нет? И я решил ехать без билета...»

В Горький приехали следующим утром. Жить Менакеров определили в гостиницу «Москва». Правда, номер был заказан на двух человек, а приехали сразу четыре. Но эту проблему разрешили быстро: занесли в номер дополнительную кровать.

Менакер и Миронова с утра до вечера пропадали в драмтеатре и за маленьким Андреем присматривала Аннушка. Гулять обычно они выходили в скверик возле театра. Причем из-за отсутствия прогулочной коляски, которую оставили в Москве, ребенка приходилось все время держать на руках. Естественно, пожилая няня уставала. И однажды едва не случилась беда. Как-то вечером Менакер и Миронова возвращались после работы домой и по своему обыкновению шли через сквер, чтобы забрать с собой Андрея и Аннушку. И что же они увидели? Няня сидела на лавке и спала, а Андрей лежал на земле, скатившись туда с лавки. Супруги бросились к сыну, предполагая самое страшное. Но все обошлось: толстое одеяло смягчило удар и ребенок остался цел и невредим. Ругать пожилого человека не стали: такое могло случиться с каждым.

В начале августа в Горький прибыл Театр эстрады и миниатюр. Начались регулярные представления в драмтеатре, выступления в госпиталях. А во второй половине августа театр отправили в агитационный поход по Волге на теплоходе «Пропагандист». Пятимесячного Андрея и няню Менакеры взяли с собой. Вчетвером они жили в каюте с двумя иллюминаторами почти на уровне воды. Агитпоездка длилась до конца октября. Затем теплоход отправился в обратный путь, а театр высадили в Ульяновске. На полуразбитом автобусе работников театра (более тридцати человек) привезли в гостиницу. Свободными оказались лишь два номера, куда всех и разместили. Но Менакерам повезло. В коридоре они встретили свою знакомую – сценаристку Ирину Донскую, супругу кинорежиссера Марка Донского, и она забрала их к себе в номер. А вечером того же дня у Андрея резко поднялась температура – до тридцати девяти градусов (видимо, он простыл, когда его выносили из жаркой комнатки на дебаркадере к автобусу). Все, естественно, переполошились, бросились искать лекарства, но к утру температура спала так же резко, как и поднялась.

Отыграв спектакли в Ульяновске, театр продолжил свои гастроли. Теперь его путь лежал в Куйбышев. Менакеру эта поездка была особенно радостна – в этом городе жили его родители, которые еще ни разу не видели воочию своего второго внука. Первого они уже много раз видели, к тому же в ту осень 41-го Кирилл Ласкари находился у них в Куйбышеве. Там и произошла первая встреча двух сводных братьев: шестилетнего Кирилла и восьмимесячного Андрея. Вот как об этом вспоминает сам К. Ласкари:

«Впервые я увидел Андрея на перроне железнодорожного вокзала. Шла война. «Ташкентский» прибывал в Куйбышев глубокой ночью. Очень хотелось спать.

– Сейчас мы его увидим, боже мой. Не спи, Кирочка, – говорил дед Сеня. Голова моя лежала у него на плече. Глаза слипались, убаюкивал цокот копыт по булыжной мостовой. На вокзал мы отправились заранее заказанным гужевым транспортом.

Из вагона Андрюшу вынес папа. Тетя Маша отдернула угол теплого одеяла, в которое он был завернут, и я увидел смешное личико спящего маленького мальчика.

– Это твой брат, – сказал, улыбнувшись, папа. Они, наши родители, папа, моя мама и тетя Маша, сделали так, что с малых лет наше отношение друг к другу было братским, родственным в подлинном понимании этого слова. Низкий им за это поклон...»

У бабушки и дедушки Андрей вместе с родителями пробыл около недели. После чего 11 ноября труппа выехала в Ташкент. Добирались туда девять дней. А когда наконец приехали, прямо на вокзале Андрей внезапно стал сильно плакать. Поначалу никак не могли определить причину слез, пока нянечка не догадалась открыть младенцу ротик. Оказалось, у мальчика прорезался первый зубик.

Первую ночь труппа провела в фойе Театра оперетты. А утром следующего дня все отправились искать себе жилье. Сделать это было не так легко, если учитывать, что к тому вре-

мени Ташкент был буквально переполнен эвакуированными – сюда перебросили крупнейшие заводы, театры, киностудию «Мосфильм». И Менакером снова повезло. На улице они встретили свою давнюю знакомую Клавдию Пугачеву (Менакер знал ее еще по своему ленинградскому житью-бытью), которая забрала их к себе – в однокомнатную квартиру в центре города, на Пушкинской улице. Менакером и Аннушке была отдана под жилье кухня. Все спали на полу, причем Андрюше было выделено в качестве матраца каракулевое пальто его матери. Там они прожили несколько дней. Как будет вспоминать много позже К. Пугачева: «Андрюша был прелестный и спокойный ребенок с большими светлыми глазами. Даже когда у него поднималась температура, он как-то нежно и покорно прижимался к нянинному плечу. Я ни разу не слышала его плача ни днем, ни ночью, даже тогда, когда он был сильно простужен и кашлял непрерывно. Няня, показывая на меня, говорила Андрюше: «А вот эта тетя Капа. Понял? Тетя Капа», – повторяла она. Так до конца его дней он и называл меня «тетя Капа»...»

Спустя несколько дней дирекции театра удалось выбить для своих сотрудников более комфортное жилье – в гостинице «Узбекистон». Менакером достался номер, в котором было две кровати. Обе заняли взрослые, а для Андрея Аннушка раздобыла корзину, которую она выклянчила у сердобольной узбечки – дежурной по этажу. Как нянечка умудрилась это сделать, Менакеры так и не поняли – узбечка ни слова не говорила по-русски. Но еще сильнее их ошеломило то, что раньше корзина служила местом, куда складывали грязное белье. Узнав об этом, Миронова категорически заявила: «Андрюшу я туда не положу!» Но нянечка и здесь нашла выход из трудного положения. «Ничего, я ее опарю». И целый день парила корзину, после чего столько же ее сушила. И только после этого родители Андрея разрешили уложить в нее сына.

В начале декабря Театр эстрады и миниатюр дал свое первое представление – в Доме Красной Армии Среднеазиатского военного округа. Прошло оно с огромным успехом, и военное начальство попросило труппу дать гастроли в воинских частях округа (Фергана, Самарканд и др.). Естественно, эта просьба была воспринята как приказ. Но не всеми. Мария Миронова отказалась уезжать из Ташкента, сославшись на то, что она кормящая мать и что ее ребенок плохо себя чувствует. Может быть, в других обстоятельствах на этот отказ руководство театра закрыло бы глаза, но время было другое, военное. И директор театра по фамилии Махмуров... подал на Миронову в суд. Ситуация складывалась нешуточная, если учитывать, что по законам военного времени саботажникам грозило суровое наказание – вплоть до расстрела. Однако суд длился каких-нибудь несколько минут. Вот как об этом вспоминал А. Менакер:

«Для защиты мы обратились к одному из наиболее видных московских адвокатов, Леониду Захаровичу Кацу, тоже находившемуся в Ташкенте, и он согласился участвовать в этом «шумном процессе». И вот идет суд. Душное помещение набито до отказа. Тут актеры театра и многие наши друзья. Судья прочитала исковое заявление, в котором звучало грозное слово «саботаж», но не была указана причина отказа Мироновой от поездки. Когда Кац назвал причину, по залу пронесся гул возмущения. Представитель Дома Красной Армии развел руками, сказав, что его ввели в заблуждение, а судья сделала выговор директору: «Как вам не стыдно бросаться такими словами и отнимать время у суда?!» Естественно, справедливость восторжествовала, и театр поехал без Мироновой...»

Примерно около месяца Менакер с театром колесил по Узбекистану, после чего вернулся в Ташкент. Сразу после этого его семье удалось подыскать себе более подходящее жилье – частную квартиру на Учительской улице. За стенкой жил старейший драматург Константин Липскеров, а за углом – популярный актер МХАТа Осип Абдулов (спустя год он снимется в фильме «Свадьба», где произнесет свою крылатую фразу: «В Греции все есть!»).

Примерно через неделю, в январе 1942 года, Менакер снова уехал на гастроли. Миронова осталась в Ташкенте и откровенно изнывала от скуки (за Андреем большую часть времени приглядывала Аннушка). И однажды, будучи у Бернесов, она поделилась с ними своими

мыслями на этот счет. И попала в точку. Как оказалось, Марк Бернес тоже давно подыскивал достойное занятие для своей жены-актрисы Паолы и предложил им с Мироновой выступать дуэтом. А тексты для будущих миниатюр надоумил заказать у драматурга Николая Погодина. Женщинам совет пришлось по душе. Так появился эстрадный дуэт Мария Миронова и Паола Бернес, который исполнял миниатюру «На Алайском базаре» (Миронова играла украинку, эвакуированную в Ташкент, а Паола – местную жительницу, торговавшую на базаре продуктами).

И все же на душе у Мироновой было беспокойно. Снова заболел Андрей, причем очень серьезно. Он спал только на руках, и в течение недели они с няней днем и ночью попеременно носили его по комнате, пол которой был... земляным. Это были бессонные ночи, когда Миронова то и дело слушала, дышит сын или нет, и ей иной раз казалось, что уже не дышит. Андрей лежал на полу, на газетах, не мог уже даже плакать. Глазки у него совсем не закрывались. Каждый день Миронова уходила на базар и продавала последние вещи. А на базаре лоснящиеся от жира торгаши, сидящие на мешках с рисом, неизменно повторяли ей: «Жидовкам не продаем» (они почему-то упорно принимали ее за еврейку).

Между тем врач, которому она показала сына, сказал, что это похоже на тропическую дизентерию и что спасти мальчика может только одно лекарство – сульфидин. Но где его взять в Ташкенте? После нескольких дней безуспешных поисков Миронова впала в настоящее отчаяние – Андрей буквально таял на глазах. Она знала, что от этой же болезни некоторое время назад умер сын Абдуловых, и эти мысли приводили ее в отчаяние. Неужели эта же страшная участь ожидает и ее сына, ее Андрюшеньку? Смириться с этим было невозможно. Спасло чудо. На том самом Алайском базаре, про который шла речь в миниатюре Мироновой, она случайно встретила жену прославленного летчика Михаила Громова (в 1937 году вместе с А. Юмашевым и С. Данилиным он совершил беспосадочный перелет Москва – Северный полюс – США, а теперь был командующим ВВС Калининского фронта) – Нину Громову. Узнав, какое лекарство необходимо Мироновой, она немедленно вызвалась помочь. В тот день в Москву летел спецсамолет, к отправке которого Нина Громова имела непосредственное отношение. Она наказала летчику связаться с ее мужем и передать ему настоятельную просьбу – достать сульфидин. Просьба была выполнена. Так будущий гений театра был спасен в очередной раз. Спустя много лет, встретившись с Михаилом Громовым, Миронова от всей души поблагодарит его за спасение сына.

К слову, Громовы были не единственными, кто отнесся к Мироновой и ее сыну с участием. В те же дни в Ташкенте оказалась знаменитая «королева романа» Изабелла Юрьева с мужем Исааком Эпштейном, и они, узнав о болезни Андрея, немедленно пришли в домик на Учительскую и принесли с собой несметные богатства: манную крупу, сахарный песок, шоколад. Объяснили, что только что получили из Москвы посылку и хотят поделиться ее частью с Андреем. Миронова, глядя на гостей, не могла вымолвить ни слова – только стояла и плакала. И опять много лет спустя, уже после войны, во время концерта Юрьевой в Доме литераторов в Москве, Миронова придет к ней в гримерку и начнет благодарить за тот ташкентский эпизод. Юрьева удивится: «Машенька, как? Вы это помните?» – «Такое не забывается», – ответит Миронова.

Тем временем в конце марта должны были закончиться гастроли Менакера. Но после короткого пребывания в Ташкенте он снова уехал на очередные выступления: на этот раз в Барнауле, Новосибирске и Томске. Деньги, которые он привез с гастролей, быстро закончились, и его семье снова пришлось потуже затягивать пояса. Но в мае Менакер их здорово выручил – прислал переводом целых две тысячи рублей. Эти деньги он раздобыл, продав свое роскошное зимнее пальто с воротником и лацканами из серого же каракуля. И хотя пальто стоило вдвое дороже той суммы, что ему заплатили, но Менакер и этому был рад – он знал, что вырученных денег его семье хватит надолго.

В Ташкент Менакер вернулся в начале июня 1942-го. К великой радости отца, сын, который не видел его почти пять месяцев, узнал его и даже вслух выговорил слово «папа». Впервые выговорил! Словом «мама» он к тому времени владел уже в совершенстве.

Спустя неделю после возвращения в Ташкент Менакер взялся за подготовку новой эстрадной программы для театра. Еще через некоторое время программа была готова и состоялась ее премьера. Успех у нее был грандиозный. Причем настолько, что про нее прознали в Политуправлении Красной Армии и немедленно затребовали в Москву. Благодаря этому пребывание Менакерова в Ташкенте закончилось: в середине октября 1942 года они вернулись в Москву. Вот как вспоминала о тех днях М. Миронова:

«Москва была иной, чем мы ее покинули – строгой, дисциплинированной, малолюдной и поразительно чистой. Встретивший нас главный администратор театра Сергей Алексеевич Локтев, которому мы, уезжая из Москвы, оставили ключи от нашей квартиры, возвращая их, сказал, что первое время все-таки будет удобнее пожить в гостинице – номера ждут. В то время многие писатели и композиторы жили в гостиницах – там было теплее и можно было прикрепить карточки на обед.

Мы поселились в старой гостинице «Гранд-отель», действительно удобной и уютной. Теперь ее уже нет, на ее месте стоит новый корпус гостиницы «Москва».

Не успели расположиться, как стали приходить друзья – большинство в военной форме: Ленч, Изольдов, братья Тур, работавшие корреспондентами. Они рассказывали много интересного. Постепенно мы входили в ритм московской жизни.

Назавтра, с понятным волнением, мы отправились на Петровку. Удивительно, но дома все было в полном порядке. На кухне висели выстиранные перед отъездом пеленки и менакеровские носки, а в буфете – испеченный мною, тоже перед самым отъездом, песочный пирог с вареньем. Господи, с каким удовольствием мы его съели! Потом прошли по Столешникову, Дмитровке, по проезду Художественного театра и вышли на улицу Горького, чтобы посмотреть на наш театр...»

В «Гранд-отеле» Менакеры прожили несколько дней, после чего перебрались в свою квартиру на Петровке. А еще спустя несколько дней главе семейства и его жене предстояло ехать с гастролями на Калининский фронт. Но прежде чем туда отправиться, надо было позаботиться о няне с сыном – на город еще продолжали совершать налеты немецкие бомбардировщики. К счастью, в этом же доме, на первых трех этажах, располагался Коминтерновский райисполком, с председателем которого – Турчихиным – Менакеры были знакомы. Как-то они ехали с ним в лифте и поделились своими опасениями насчет няни и сына. «Не беспокойтесь, – ответил Турчихин, – езжайте себе спокойно, а мы за ними присмотрим. Во время тревоги я буду отправлять к ним дежурного милиционера и он будет провожать их в бомбоубежище». У Менакера и Мироновой отлегло от сердца и спустя пару дней они со спокойной душой выехали в Калинин.

Вспоминает М. Миронова: «И вот наступил день отъезда. Рано утром за нами заехал грузовик, чтобы ехать на вокзал. В кузове его на досках сидели члены фронтовой бригады. Няня с Андрюшей вышли нас проводить. Увидим ли мы еще своего сына? Грузовик тронулся, а мы смотрели на удаляющегося Андрюшу – он казался маленьким и беззащитным – в ярких красных длинных брючках и валеночках. Это был единственный парадный костюм, которым он страшно гордился. Красные брюки Аннушка Виноградова перешила из башлыка, подаренного кавалерийским генералом В. Крюковым, мужем Л. Руслановой, потому что сшить штаны было больше не из чего. Правда, башлык был из овечьей шерсти и очень «кусался». Андрюша все время чесался, а мы убеждали его, что так и нужно, зато тепло. Эти брюки назывались у нас «генеральско-кавалерийскими», а валенки, которые каким-то чудом раздобыл и подарил Андрею Матвей Блантер, называли «композиторско-музыкальными»...»

Домой Менакер и Миронова вернулись в начале декабря. А уже в середине этого же месяца в Театре эстрады и миниатюр состоялось открытие нового сезона. Был показан спектакль «Москвичи-земляки». Сразу после премьеры труппа взялась за новую постановку – спектакль «Без намеков». Короче, работы у Менакера и Мироновой было непереворот, и весь световой день, а иной раз и темную часть суток они пропадали на работе. И за Андреем продолжала следить его нянечка Анна Сергеевна, или просто Аннушка. Отношения между ними были очень теплыми. Аннушка, будучи человеком набожным, рассказывала мальчику о Боге и святых угодниках, учила молитвам и водила в церковь по воскресеньям и великим праздникам. Родители Андрея этому не препятствовали. Андрей нянечку очень любил, однако совершенно не боялся, в отличие от своей мамы, которая была действительным хозяином в доме – здесь любое ее приказание выполнялось беспрекословно. С Аннушкой Андрей вел себя куда более вольготно. Только ей он мог сказать то, что в его адрес частенько произносила мама: «Нянька, ты как соплюшка... Как коова... Как медведь...» Еще одним любимым словечком трехлетнего Андрюши Миронова было слово «белиберда», которое он произносил на свой манер – «пелиберда». В его устах слово звучало очень уморительно. Тем более если учитывать, что будущий гений был тогда толстым, губастым мальчиком с белесыми ресницами.

Как и всякий ребенок, Андрей в свои три года был крайне любознательным. Поскольку нянечка была человеком малообразованным и не могла толком ответить на все его многочисленные вопросы, Андрей буквально изводил ими своих родителей, а также многочисленных гостей, которые часто бывали в их доме.

Между тем именно в возрасте трех лет Андрей впервые посетил театр своих родителей. Пришел он туда с Аннушкой, которую об этом попросили Менакер и Миронова. И хотя Анна Сергеевна сроду ни в какие «театры» не ходила, здесь она не посмела ослушаться. И привела Андрея на утренний спектакль. Знай зачинщики этой идеи заранее, чем этот поход обернется, наверняка бы поступили иначе.

Гостей посадили на самые почетные места – в директорскую ложу. В тот день давали «Даму в черном», в котором играли оба родителя Андрея. И он, увидев отца на сцене, внезапно перегнулся через барьер и громко закричал на весь зал: «Папа!» И, удивленный, что отец не реагирует на его крик, закричал еще громче: «Па-па!» Зал взорвался от смеха. Смеялись и партнеры Менакера по сцене. А сам Александр Семенович был так обескуражен происходящим, что какое-то время не знал, что делать. А Андрей, видя, что зал бурно реагирует на его крики, разошелся еще сильнее: «Папа! Папа, это я!» Наконец первым нашелся один из артистов. Он вышел на авансцену и потребовал убрать ребенка из зала. На что Аннушка ему ответила: «Ребенок отца увидел, что вам, жалко, что ли ча?!» После этих слов хохот в зале стал всеобщим. Играть дальше было невозможно, и руководство театра дало команду опустить занавес. А маленькому Андрею так понравилось быть в центре внимания, что он долго после этого случая приставал к родителям с одним-единственным вопросом: «Когда я снова пойду в театр?» Родители врили сыну, что скоро, мысленно буквально содрогаясь от подобной перспективы.

В ноябре 1945 года Менакер и Миронова отправились с гастролью в Берлин. Пробыли они там почти два месяца и домой вернулись 1 января 1946 года. Вернулись не с пустыми руками – они привезли сыну электрическую железную дорогу. Подарок был вручен Андрею прямо во дворе дома на Петровке, где он гулял вместе с нянечкой. Описывать восторг ребенка не имеет смысла – такой игрушки не было ни у одного из друзей Андрея.

Тем временем вскоре после возвращения из Берлина Менакеру и Мироновой пришлось покинуть Театр эстрады и миниатюр. Поводом к уходу послужила статья в «Правде», посвященная пьесе Менакера «Бронзовый бюст». Главная газета страны камня на камне не оставила от этой постановки, назвав ее «фальшивой комедией». После этого дни Менакера в театре, в

котором он проработал более десяти лет, оказались сочтены. Следом за мужем ушла из театра и Миронова. У них был единственный путь – на эстраду.

Летом 1946 года Андрей во второй раз увидел отца и мать на сцене. И опять ничем хорошим это не закончилось. Случилось это в летнем театре сада ЦДСА во время представления «Товарищ публика». Вот как об этом вспоминала М. Миронова:

«В один из теплых летних вечеров мы взяли в сад ЦДСА шестилетнего Андрюшу. Он стоял за кулисами и внимательно слушал родителей. Вдруг в середине номера раздался дружный смех, которого мы совершенно не ожидали. Менакер даже осмотрел костюм: все ли в порядке по линии туалета? Мне почему-то приходит в голову мысль, что по сцене пробежала кошка, – у зрителей это всегда вызывает неописуемый восторг. Поворачиваю голову и вижу стоявшего на середине сцены Андрюшу с открытым ртом: он так увлекся творчеством родителей, что захотел разглядеть их поближе и вышел на сцену. Это был первый выход Андрея Миронова на эстраду...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.